

Когда-то мой отец воевал с белыми, бежал из плена, потом по должности командира ушёл в запас. Мы с отцом ходили в лес, дружно распевали там его простые солдатские песни. Был он мне старшим другом и частенько выручал из беды. [1]

Нак-то вскоре—совсем для нас неожиданно—отца моего назначили директором большого магазина. Стали теперь за отцом присылать машину, стал он ездить на какие-то банкететы, брал с собой Валентину. И стала вдруг Валентина завистливой, раздражительной, крепкого и высокого отца моего называла рохлей и тряпкой.

Я долго плакал. „Прощай,—думал я об отце.—Бьют барабаны марш-поход. Каждому своя дорога. Вот мы и разошлись“. Так прощался я с отцом горько и крепко, потому что я его любил и на этой земле мы были людьми самыми дружными и счастливыми.

Два года пронеслись быстро и бестолково. Валентина вышла замуж и летом с молодым мужем укатила на Кавказ.

Она оставила мне деньги на месяц, и теперь в квартире я был совсем один. С этого дня жизнь моя повернула круто в сторону. И увела бы кто знает куда, если бы... не пел отец мне хорошие солдатские песни, те, что и до сих пор жгут мне сердце.

Первым после отъезда Валентины появился у меня Юрка Ковякин из соседнего корпуса. Юрка был на два года старше меня, школу он бросил, а всем врал, что заочно готовится на курсы лётчиков.— „Уехала? — спросил Юрка.— Та-ак! Оставила она тебе денег? Небось, пожадничала?“

—Ну и дуран!— добродушно сказал Юрка.— Этание деньги да
чтобы проесть начисто! Ты бы купил фотоаппарат у Витьки
Чеснокова, шесть на девять.

Дальше всё пошло колесом. В этот же день я купил у мон-
тёра Витьки Чеснокова фотоаппарат.

Вечером на Пушкинской площади Юрка подвёл меня к трём молодцам.—„Знакомься. Огонь-ребята, и все, как на подбор, „отличники“. Он парень хороший,—отрекомендовал меня Юрка.—Мы с ним как братья. Отец в тюрьме, а мачеха на Кавказе“.—Я покраснел. Но новые товарищи ничего не сказали, и мы все пошли в кино.

На следующий день я неожиданно обнаружил, что верхний ящик письменного стола заперт. Лежали там клубок ниток, вязальный крючок и колода карт. Запирать-то было нечего. От чрезмерного любопытства у меня испортилось настроение.¹⁴

Я взял фотоаппарат и помчался в магазин покупать пластинки. Тут меня подждал первый удар. В магазине мне сказали, что марка аппарата старая и пластинок такого размера нет и не бывает.

Взбешённый, помчался я разыскивать Юрку. — „Юрка, — сказал я, — давай отдадим аппарат обратно Витьке, пусть вернёт деньги“. — „Что ты! Что ты! Да у него и денег-то нет. Ты, брат, уж лучше терпи“.

Я ждал вечера, чтобы сесть в метро и умчаться в Сокольники, где гулял Юрка со своими друзьями. Странная образовалась вокруг меня компания. Мы не играли, не бегали. Мы переходили от толпы к толпе, чуть задевая прохожих, чуть подсмеиваясь.

Иногда к нам подходили взрослые. Одного, с крючковатым носом, я запомнил. Его побаивался даже сам Юрка.— „Кто это?“ — спросил я у Юрни. — „Это артист. Он двоюродный брат Шаляпина“. — Я посмотрел на Юрку: не смеётся ли? Но он не смеялся.

Очнулся я уже дома. Была ночь. И опять, как когда-то, непонятная тревога впорхнула в комнату и осторожно присела у моего изголовья. А котёнок урчал на моей груди, должно быть, прислушиваясь к тому, как что-то скребётся у меня на сердце.

Утром как будто кто-то сильно тряхнул мою кровать. Это будила меня моя беда. Надо было где-то доставать денег. Последние я истратил вчера на карнавале. И тут мне пришла в голову простая мысль: а что же такое, если не деньги, заперто в ящике письменного стола?

Я собрал старые ключи и взялся за дело. Работал я долго. И вдруг—кран! Я почувствовал, как ключ туго, но поворачивается. Готово!

И вечеру, голодного и усталого, ноги снова привели меня обратно. Но стоп! Дверь чуть приоткрыта, и лёгкий шум донёсся до моего слуха. Я вспомнил, что, расстроенный, забыл запереть дверь, и теперь в квартире был вор!.. — „Тим-там! Тра-ля-ля!“ — Было очень странно: вор напевал песню.

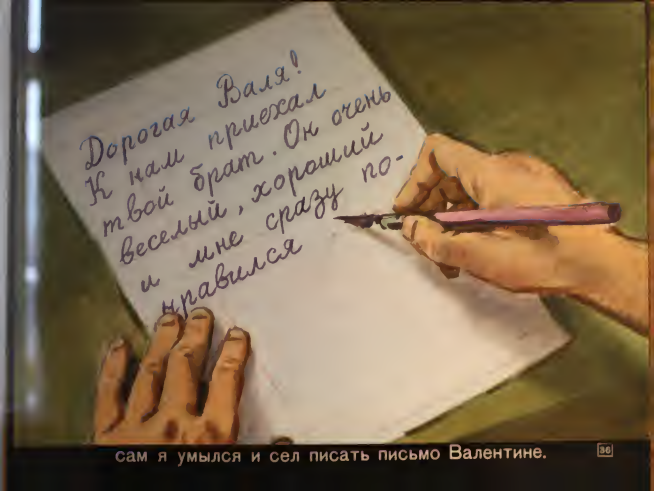
Вдруг дверь широко распахнулась, и передо мной оказался толстый человек.—„Друг мой!—спросил он.—Ты из этой квартиры?“

— „Да, из этой...“ — „Так сделай милость, заходи. Я не вор и не жулик, а родной брат Валентины, следовательно, твой дядя“. — „Она уехала на Кавказ“. — „Боги великие! — огорчился дядя. — Дорогая сестра уехала, так и не дождавшись родного брата“.

Дядя оказался человеком весёлым. На другой день он велел мне привести квартиру в порядок, дал деньги, а сам ушёл бродить по Москве. Вскоре в доме всё блестело...

Дорогая Валя!
К нам приехал
твой брат. Он очень
веселый, хороший
и мне сразу по-
нравился

сам я умылся и сел писать письмо Валентине.

Письмо осталось незаконченным, потому что пришёл дядя и с ним плешивый, унылый человек. — „Знакомься, Сергей! Это друг моей молодости, старик Яков. Партизан-чапаевец! Политкаторжанин! Много в жизни пострадал, но, как видишь, орёл! Коршун!“

Вдруг взгляд его упал на моё неоконченное письмо.— „Позор!—сказал он.—Как пишет этот легкомысленный человек! Слово рассказ он пишет с одним „с“, и перед „что“ он запятых не ставит. Брось в печку! Или нет, я сожгу сам!“

Пристыжённый, я поплёлся в ванную и стал заряжать кассеты для фотоаппарата. Я слышал, как дядя и старик Янов хлопнули дверью и ушли куда-то.

Потом я отправился за фотопринадлежностями, а когда вернулся, дядя был уже дома. Он строго подозвал меня.—„Послушай, я нашёл эту штуку на подоконнике, приложил её сюда. И что же выходит?“ — В руках у дяди было сломанное кольцо от ключа. Всё рухнуло! Пришлось рассказать дяде всю правду...

Дядя был мрачен.— „Накова наша молодёжь, старин Янов! Думал ли ты во мраке тюремных подвалов, что ты сражаешься за то, чтобы тание молодцы лазили по запертым ящикам?“ — Старин Янов сурово начал головой. Нет, нет! Он совсем об этом не думал.

Долго они о чем-то совещались. Наконец дядя сказал мне, что завтра они уезжают в отпуск. А так как за мною нужен глаз и властная рука, чтобы держать меня, то они забирают меня с собой.

Ноги мои задрожали, и я дико взвыл от неожиданного счастья.

Утром дядя принёс мне какой-то свёрток. В нём были короткие защитного цвета штаны, щеголеватая курточка и пионерский галстук. Когда я одел всё это, дядя всплеснул руками: „Чналов! Кокнинани! Орденов только не хватает! Эх, далеко полетят орлята!“

В поезде было душно, и старику Якову стало плохо. Начальник поезда, узнав, в чём дело, разрешил перевести старика в мягкий вагон. Я пошёл провожать его.

В купе сидел пожилой человек, за спиной его стояла полевая кожаная сумка. Старик Яков сразу спать ложиться не захотел, а взялся за газету. Однако я хорошо видел, что он не читает, а зорко смотрит за пассажиром. Потом он велел сказать дяде, чтобы тот прислал ему походную грелку. 48

Дядя достал небольшой свёрток. Взгляд его был строг. — „Возьми эту грелку и отнеси. Понял?“ — Говорил он коротко, без своих обычных смешков. Я взял грелку: внутри неё что-то скрипнуло и зашуршало, грелка была холодная, по-видимому, кожаная, и вместо воды набита бумагой.

Старин Янов схватил грелку, легонько застонал и положил её себе на живот. А я отправился обратно.

—Ту-у!—взревел вдруг паровоз. Вагон рвануло так, что я едва не свалился. Пассажиры в страхе бросились к окнам.—Успокойтесь, граждане!—унылым голосом кричал проводник.—Это какой-нибудь пьяный шёл из ресторана да и рванул тормоз!»

— „Эх, люди, люди! — вздохнул дядя. — Сергей, сходи к старику Янову. Старик больной, нервный. Не переменить ли ему воду в грелке? — Я сурово взглянул на него: не ври, дядя. И молча пошёл.

Я спросил старика Якова, не переменить ли ему воду.—„Пора, пора!—сердито сказал он и передал мне холщовый мешочек с грелкой. При этом он вцепился в мою руку и угрожающе замотал головой. И я подумал тогда, что мой дядя и его знаменитый друг, вероятно, отъявленные мошенники.

Я отдал грелку дяде, и дядя стал очень хвалить меня. То ли давно меня никто не хвалил, но я вдруг обрадовался. Вскоре по дороге отстал от нас старик Яков. И тут я вздохнул свободно, уснул крепко, а проснулся тогда, когда мы подъезжали к какому-то прекрасному городу.

КОНЕЦ

1-й ЧАСТИ

Цветной 0-30

Д-099-73

ПО ПОВЕСТИ
Аркадия Тайдара

СУДЬБА БАРАБАНЩИКА

ДИАФИЛЬМ В 2-х ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ 2

ХУДОЖНИК Б. ИГНАТЬЕВ

Этот светлый и зелёный город назывался Киевом. Мы свернули от центра и вскоре вошли в густой запущенный сад. В глубине сада стоял небольшой двухэтажный дом.

Навстречу нам спешила старуха и морщинистый бородатый человек с метлой, как оналось, её сын.—Дорогих гостей прошу пожаловать! Спаситель! Ах, спаситель!—сказала старуха, постучав костлявым пальцем по дядиному плечу.—Всё такой же благородный, велинодушный¹⁵.

Нас с дядей поселили наверху. Дядя объяснил мне, что когда-то весь дом принадлежал старухе, а теперь здесь детский дом, и сын её работает при детском доме сторожем. — „Дядя, а отчего старуха назвала вас добрым и благородным?“^[4]

— „Когда-то в восемнадцатом буйные солдаты хотели спустить её с моста, а я был молод и вступился“. — „Дядя, а какие это были солдаты? Белые?“ — „Ложись спать, болтун! — оборвал меня дядя. — Военные были солдаты: две руки, две ноги, одна голова“.

Я был взволнован. „Начну всё заново, — думал я. — Буду учиться, буду стараться. Вырасту, надену чёрную форменку“.

И дядя показал мне на хрупкого мальчика, который выстреливал тонкие планочки. — „Дохловатый какой-то! Лучше бы с кем-нибудь из тех, кто у сетки скачет!“ — „Эное дело, скачут! А то мальчик машину строит!“

Я подошёл к столу.— „И чего ты тут торчишь, лучше бы шёл к сетке прыгать“.— Мальчик поднял серые задумчивые глаза.— „Послушай, я тебя не звал. Если тебе нравится прыгать, прыгай. А мне после того, как я выбросился с парашютом из горящего самолёта, прыгать уже нельзя!“— Краска залила моё лицо.— „Извини,— сказал я.— Это я дурак...

Вскоре мы со Славой расстались и договорились назавтра встретиться там же. Я вернулся домой. Делать было нечего, и я стал читать газету. В Испании воевали, в Китае воевали. Потом стал читать объявления. А вот, стоп!.. Ищут меня... [12]

Разыскивается мальчик четырнадцати лет, **Сергей Щербачёв**. Брюнет. На виске возле левого глаза родинка. Сообщить: Москва, телефон Г0-48-64.

„Так, значит, вернулась Валентина. Телефон не наш, значит, ищет милиция. „Разыскивается“... Слово это звучало тихо и приглушенно. Но смысл его был грозен и опасен.

Когда я возвращался домой, было уже поздно. Дверь была заперта. Тут я вспомнил, что сбоку лестницы есть окошко. Через него я благополучно спустился в сени. И вдруг... Из соседней с нами пустой комнаты пробивался свет.

— „Вот, — услышал я дядин голос. — Этот пакет туда, а этот сюда. Теперь всё убрать. И куда это мальчишка запропал?“ — „Вернётся. А кто у него мать?“ — спросил незнакомый голос. — „Мачеха! Кто её знает. Мы на эту квартиру случайно попали. Лучше всякой гостиницы“.

Я тихонько попятился, потом вылез обратно и громко постучался в запертую дверь. Прошло минуты три, пока дядя открыл мне. — „Ты что полуночишаешь?“ — Но я понял, что ругать он меня не будет и, пожалуй, даже рад, что сегодня вечером меня не было дома.

Нак-то Славка сообщил мне, что уезжает до конца лета к маме в деревню. После этого мне ещё сильнее захотелось в Одессу.

Я даже начал сочинять стихи. Взял у дяди из портфеля листок бумаги и написал:

Из Одессы капитан
Уплывает в океан.
На борту стоят матросы,
Лихо крутят папиросы.

На берегу стоят девицы,
Опечалены их лица.
Потому что, налетая,
Всем покоя не давая...

Захотел перечитать стихи... и обалдел. Первых написанных строк на бумаге не было, а последние быстро таяли на моих глазах.

Крепкая рука опустилась мне на плечо.— „Ты что это, негодяй, делаешь?“— тихо и злобно спросил незаметно появившийся дядя. Я ничего не мог понять.— „Что вам от меня надо?“— крикнул я.— Я и так с вами живу, а зачем—ничего не знаю!“

Я выскочил в сад и уткнулся головой в траву. Очевидно, дяде и самому вскоре стало неловко. — „Послушай, друг мой, я погорячился. Но скажи, пожалуйста, что означают эти фокусы?“ — и он показал пальцем на свой живот. Все пуговицы на брюках были срезаны.

Грозные и гневные подозрения сжали мне сердце. „Убийцы! Так вот зачем я был вам нужен... Эх, дурак я, дурак! И такие бывают шпионы, добрые“.

Как шальной, я помчался домой узнавать правду. Я пролез через окошко в сени и услышал их голоса.—„Надо торопиться“.—„А мальчишки всё нет“.—„Чёрт с ним“.—„Нет, без мальчишки нельзя. Он нас выдаст“.— „Давай-на собираться скорее“.

Я соскользнул в сад. Между камнями увидел лопух, в который был завёрнут браунинг. Сейчас они уйдут. Пусть уйдут.— „Нак уйдут?—спросил меня кто-то изнутри.— Выпрямляйся, барабанщик“.

Вот они вышли. Они направляются в мою сторону... Я за-
жмурил глаза. Воздух замер. Я сжал браунинг и выпрямился.
Я выстрелил раз, другой, третий...

Но в следующее мгновение пуля, выпущенная тем, кого я ещё так недавно звал дядей, крепко заткнула мне горло. 43

...Гром шёл по небу, тучи, как птицы, неслись против ветра. А могучий ветер не мог прорваться и освежить горло метавшегося в бреду человека. И кто-то скомандовал: „Принесите льду! Приготовьте шприц!“—И гром стих. И ветер прорвался наконец к задыхающемуся горлу.

Через неделю пришёл ко мне в больницу человек в военной форме. От него я узнал, что старик Яков — это крупный бандит, а „дядя“ — шпион, что за нами уже давно следят, что ещё в Москве были проявлены мои кассеты и что Славкин отец жив и велел мне кланяться. Оказывается, тогда, в вагоне, они обокрали помощника Славкиного отца, но ничего не нашли.

Больше этот человек ничего не сказал.

— „А их посадили?“ — „Ного их?“ — „Ну, этих, который дядя и Янов“. — „Да ты же убил Янова, — пробормотал Славна. — Но дом был уже окружён. Их выследили“.

Славна убежал. Я вышел в сад. И тут резкий крик вырвался из моего неокрепшего горла. По дорожке шёл доктор, а рядом с ним — мой отец!

Вот мы и вместе. И я ему говорю: „Это ты?“ — „Да, я. Я был виноват! Я оступился. Но я много думал и крепко работал. И меня выпустили“. — И вдруг налетает догадка: „Папа, а это ты искал меня через газету?“ — „Да, я искал тебя вместе с Платоном Половцевым. Я приехал через неделю после вашего отъезда“.

К О Н Е Ц

Сценарий В. КУЗНЕЦОВОЙ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА

Художественный редактор
А. МОРОЗОВ

Студия „Диафильм“, 1973 г.

Москва, 101000, Старосадский пер., д. № 7

Цветной О-30

Д-100-73

